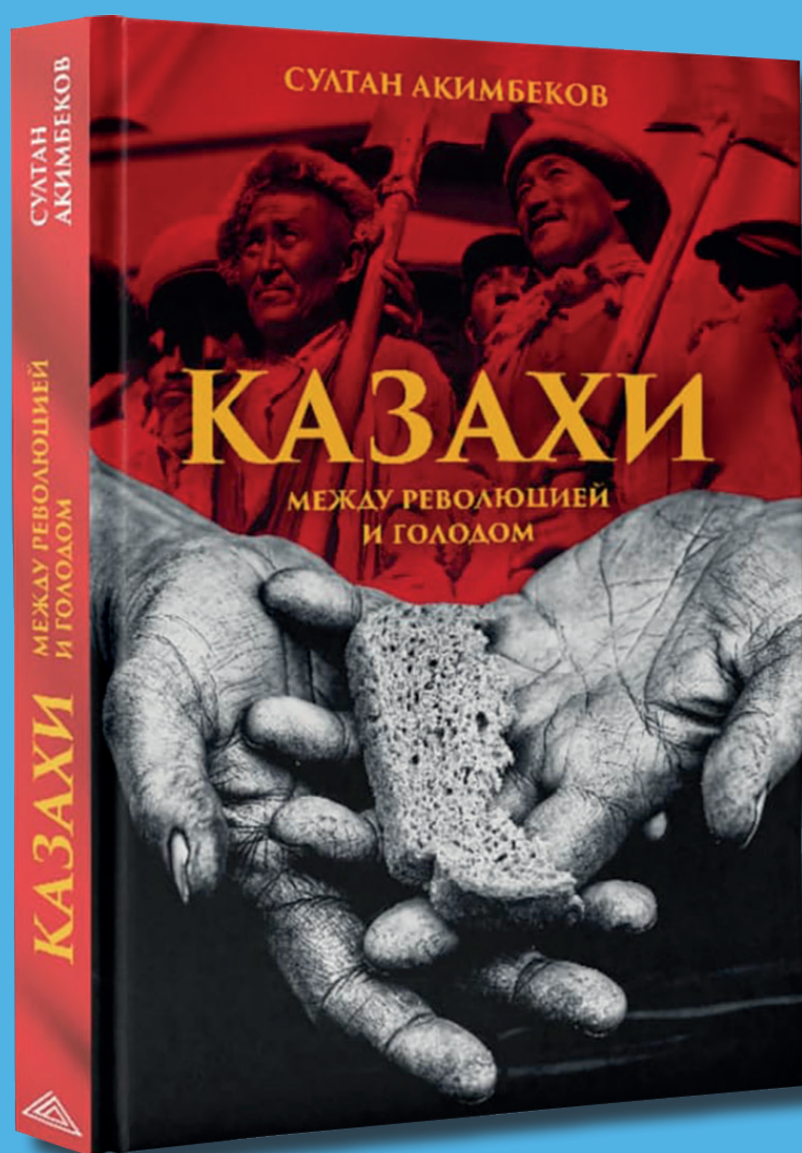

ИНСТИТУТ АЗИАТСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
THE INSTITUTE OF ASIAN STUDIES

Глава 7 ИДЕОЛОГИЯ ВОПРОСА

Из книги Султана Акимбекова
«Казахи между революцией
и голодом»

ИНСТИТУТ АЗИАТСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ THE INSTITUTE OF ASIAN STUDIES

Институт азиатских исследований основан в 2012 году в Алматы, Казахстан. Институт является частной независимой исследовательской организацией, специализирующейся на широком спектре вопросов международных отношений, безопасности, экономики и внутренней политики, имеющих отношение к азиатскому региону с акцентом на Центральную Азию. Институт видит свою миссию в том, чтобы с помощью создания качественного исследовательского продукта внести свой вклад в повышение качества интеллектуальной среды Казахстана.

СУЛТАН АКИМБЕКОВ

Султан Акимбеков родился в 1964 году. Автор книг «История степей» (2011, 2016, 2018 годы издания), «История Афганистана» (2015), «Казахстан в Российской империи» (2018), «Казахи между революцией и голодом» (2021). Работал главным редактором казахстанских журналов «Континент» и «Центр Азии», директором Института мировой экономики и политики. В настоящее время директор Института азиатских исследований в Алматы.

В настоящее время проблема голода в СССР в целом очень сильно политизирована. В основном это связано с развитием ситуации в отношениях между Украиной и Россией. В 2006 году Верховная Рада Украины объявила голод начала 1930-х годов геноцидом украинского народа. Украинское слово голодомор вошло в лексикон при оценке событий начала 1930-х годов. В то же время годом ранее, 25 апреля 2005 года, президент России Владимир Путин в своем послании Федеральному собранию заявил, что «крушение Советского Союза было крупнейшей геополитической катастрофой века»¹. Николай Эппле считает, что «важнее в этой речи и в политике вообще оказалось налаживание преемственности современной России по отношению к СССР именно так, как будто бы никакого слома системы не было»².

К этому надо добавить, что в бывшем СССР среди части общества в целом весьма распространена ностальгия по советскому прошлому. С одной стороны, это связано с социальной политикой позднего периода истории СССР и существовавшей в то время социальной однородностью. Понятно, что для многих это заметно диссонирует с тем расслоением, которое характерно для современной версии капитализма на территории бывшего СССР. С другой стороны, военно-политическая мощь Советского Союза также является предметом весьма серьезной ностальгии по этому государству. Между прочим, именно данное обстоятельство является одной из причин, почему современная Россия активно позиционирует себя в качестве преемника СССР.

По мнению Алейды Ассман, «центральное место в памяти новой российской нации занимает сталинский миф, который, оборвав связь между Сталиным и Октябрьской революцией, прославляет сталинскую победу над Гитлером в Великой Отечественной во-

йне. Преступления сталинского режима миф замалчивает. Обусловленные сталинской политикой Голодомор и массовые репрессии, жертвами которых стали миллионы людей, не находят себе места в национальной памяти России»³. Ассман в данном случае ведет речь о государственной идеологии, которую в том числе разделяет и часть общества. Но Россия все-таки не СССР и такая идеология не является единственно возможной. Поэтому есть другая часть общества, которая не разделяет таких подходов к истории.

Тем не менее начальный период советской модернизации с его многочисленными эксцессами, в том числе с массовым голодом и репрессиями, для многих в бывшем СССР оказался в тени более позднего периода истории. Главным образом это связано с тем, что с этого момента прошло уже довольно много времени. Кроме того, в самом СССР приложили много усилий для того, чтобы неприятные страницы его истории были исключены из исторической памяти. По сути, для очень многих людей поздний СССР своими масштабами и социальной однородностью перекрыл многие проблемы более раннего периода его истории. В целом это приводит к тому, что отношение к СССР и его истории все еще является весьма чувствительным главным образом для России, значительной части ее общества и тем, кто симпатизирует этой идее в других странах на территории бывшего Советского Союза. Собственно, от этого и зависит формирование отношения ко многим аспектам истории Советского Союза, включая проблему массового голода начала 1930-х годов.

Поэтому некоторые аспекты истории СССР или Российской империи очень часто встречают неприятие со стороны России и некоторых представителей ее общественности. Любое стремление акцентировать на этом внимание сразу же рассматривается в

¹Послание Федеральному собранию Российской Федерации // kremlin.ru/events/president/transcript/22931.

²Эппле Н. Неудобное прошлое. Память о государственных преступлениях в России и других странах. – М., 2020. С. 341.

³Ассман А. Забвение истории – одержимость истории. – М., 2019. С. 80.

качестве критики в адрес России и ее политики в историческом разрезе и оценивается соответствующим образом. Собственно, это и делает отношение к истории СССР фактором современной исторической политики на постсоветском пространстве.

Естественно, что если Россия позиционирует себя в качестве преемника СССР, то решение Украины объявить голод начала 1930-х годов «геноцидом украинского народа», воспринимается в качестве максимально недружественного по отношению к России действия. В определенном смысле Россия стремится защитить свое понимание истории. Это характерно для любого государства. Но особенностью российской ситуации является то, что она защищает историю тех государств – СССР и Российской империи, которые были существенно больше ее нынешней территории. А это автоматически создает условия для возникновения конфликтных ситуаций по вопросам истории со многими народами, которые теперь не входят в состав этих могущественных в прошлом империй. В частности конфликт вокруг голода в Украине это видимая часть айсберга всех тех исторических событий и фактов, которые происходили за долгую историю российской государственности.

Такая ситуация не может не накладывать своего отпечатка на изучение истории сложных моментов начального периода истории СССР. Среди них особенно выделяется трагедия с голодом начала 1930-х годов. Вопрос здесь не только в том, что само количество жертв было беспрецедентным, и не только в том, что оно коснулось далеко не всех районов страны, и не только потому, что голод во многом возник вследствие действий государства или напротив его бездействия. Важной причиной было также то, что страшный голод стал следствием радикальной политики проведения индустриализации в СССР. Именно эта политика, собственно, и сделала это государство настолько могущественным в военно-политическом отношении. По сути, это взаимосвязанные вещи. Поэтому если вы симпатизируете достигнутому уровню го-

сударственной мощи СССР, то для вас не настолько значима цена, которая была за это заплачена. Соответственно, для вас не так важны и детали произошедшего в отдельных регионах.

В данном случае в основном речь идет об Украине и ее особом внимании к голоду начала 1930-х годов. Но это затрагивает также и Казахстан, где также существует большое внимание к проблеме голода. Собственно это не удивительно, потому что в наибольшей степени от голода в это время пострадали именно Украина и Казахстан. В том числе поэтому здесь нет особых симпатий к СССР и его политике в начале 1930-х годов. Кроме того, в этих странах нет особого стремления, по крайней мере, среди большей части населения, подчеркнуть свою преемственность по отношению к государственности СССР. Напомним, что такая задача поставлена государством в современной России.

Между тем такая ситуация во многом и формирует весьма сложные отношения на уровне государственной идеологии между Россией и Украиной. В целом можно больше говорить о серьезной конкуренции на историческом поле между двумя странами, которая включает в себя и государственную политику, и общественные настроения. Отношение к голоду 1930-х годов является одной из важнейших составляющих этой конкуренции.

Естественно, что существует своя специфика в реализации вопросов идеологии на уровне государства и среди научного сообщества, которое в свою очередь отражает настроения широкой общественности. Для государства важны межгосударственные отношения. Такое их обострение, которое произошло между Россией и Украиной, это, по сути, крайний вариант развития событий. В данном случае противостояние на уровне идеологии стало прямым следствием острого конфликта между двумя странами в 2014 году, который привел к потере Украиной Крыма и войне на Донбассе. В этой связи характерно, что принятие в 2006 году Верховной Радой Украины постановление о

геноциде хотя и осложнило, но не прервало развитие межгосударственных отношений между двумя странами. Однако события 2014 года придали конкуренции на уровне идеологии новый смысл.

На этом фоне весьма показательна ситуация с идеологией в контексте развития отношений между Россией и Казахстаном. В рамках этих отношений периодически возникают споры об истории, что выводит их на уровень идеологии. Здесь возможны обострения ситуации, к примеру, такое произошло в декабре 2020 года. Но они носят временный характер и государства после такого стараются снизить напряженность. Главное для них – продемонстрировать партнеру по межгосударственным отношениям свои идеологические приоритеты, но не переходить некоторых границ. В этом смысле в контексте главной темы нашей книги представляет интерес вышедшая в январе статья президента Казахстана Касым-Жомарта Токаева⁴. В ней среди многих других задач по развитию истории Казахстана он заявил о необходимости изучения обстоятельств голода 1920–1921 годов. Но при этом ничего не было сказано о трагических событиях, связанных с голодом 1931–1933 годов. Таким образом, президент Токаев продемонстрировал стремление избежать обсуждения вопроса, который потенциально являлся самым проблемным для российской правительственной идеологии.

Понятно, что обстоятельства возникновения голода 1920–1921 годов и голода 1931–1933 годов сильно отличаются друг от друга, как и их последствия. В первом случае голод был следствием гражданской войны и политики военного коммунизма и охватил огромные территории Поволжья, Сибири и Казахстана. Он был широко известен в мире. Напомним, что в тот момент американское правительство организовало продовольственную помощь. Свои программы помощи

голодающим были тогда и у советской власти. В то время как голод 1931–1933 годов был неизвестен в мире, программы помощи голодающим появились на последнем его этапе, он практически не затронул многие земледельческие территории. И последствия для казахского общества были гораздо тяжелее, чем в 1920–1921 годах. Но межгосударственные отношения заставляют власти Казахстана быть более гибкими в вопросах исторической идеологии.

В то же время в общественном мнении двух стран по поводу общей истории могут существовать самые разные суждения. Одни из них более радикальные, другие более умеренные. В настоящее время социальные сети предоставляют самые широкие возможности для дискуссии по самым разным поводам, особенно по сложным моментам истории. В контексте проблемы голода в Казахстане в начале 1930-х годов для общественности главной темой является вопрос, можно ли его считать геноцидом казахского народа по аналогии с ситуацией с Украиной.

В частности, современный казахстанский историк Талас Омарбеков в предисловии к сборнику документов «Голодомор в Казахстане» предложил определить голод в Казахстане как «казахцид»⁵. Такое определение он выдвинул в качестве формы выражения термина «геноцид». По его мнению, казахцид – это геноцид, направленный именно против казахского населения. В свою очередь российский историк Дмитрий Верхотуров в своей книге, вышедшей в 2021 году, утверждал, что «необходимо доказательно продемонстрировать, что миф о «казахгеноциде» фальсифицирует историю Казахской ССР и серьезно искажает историю СССР, которая также является частью истории России. Иными словами, этот миф должен быть уничтожен»⁶. Он обосновывал свою позицию тем, что «миф о «казгеноциде» формирует в

⁴Касым-Жомарт Токаев / Тәуелсіздік бәрінен қымбат /05.01.2021/ <https://egemen.kz/article/260146-tauelsizdik-barinen-qymbat>

⁵Омарбеков Т. Голодомор в Казахстане: причины, масштабы и итоги. (1930–1933 гг.). – Алматы, 2011. С. 5.

⁶Верхотуров Д. Н. «Казахский геноцид», которого не было. – М., 2021. С. 19–20.

Казахстане враждебное отношение к России, ведущее к антироссийской политике, недружественным действиям и переходу к открыто враждебной политике»⁷. Собственно, здесь представлены две весьма радикальные и максимально крайние по отношению друг к другу позиции.

Несомненно, что сам по себе термин геноцид в современном политическом лексиконе является максимально жестким по своему определению. Поэтому, собственно, и отношение к его применению в научном мире достаточно сдержанное. В данном смысле показательно мнение Алейды Ассман. Она пишет, что «термин «геноцид» в высшей мере взрывоопасен. В политической дискуссии он порождает собственную динамику, которую непросто удержать под контролем. На это есть разные причины. Во-первых, понятие «геноцид» стало обычным приемом политических активистов, которые пользуются им всякий раз, когда хотят представить себя в роли жертв, чтобы привлечь повышенное внимание к собственным проблемам. Одновременно, оно как нельзя лучше пригодно для максимальной криминализации политического противника и его полной дискредитации в глазах мировой общественности»⁸. Собственно, это мнение отражает современную точку зрения западных исследователей, что использование термина «геноцид» все же больше является инструментом идеологии или исторической политики. Соответственно, это не имеет отношения к научным аспектам изучения этой сложной проблемы.

Поэтому западные исследователи в целом не используют термин «геноцид» в отношении трагических событий начала 1930-х годов. Весьма показательна произошедшая в этом вопросе эволюция во взглядах научного сообщества. Активное обсуждение проблемы голода в СССР в плане идеологии началось в 1986 году, когда американский

историк Роберт Конквест опубликовал книгу «Жатва скорби: советская коллективизация и террор голодом». Это было время холодной войны. Поэтому книга рассматривалась в контексте происходившего в это время противостояния и, естественно, была воспринята критически властями бывшего СССР. В своей книге Конквест писал о том, что «в 1932–1933 гг. произошло то, что можно назвать так: террор голодом, или голод, искусственно созданный властями. Прежде всего, он был нацелен на согнанных в колхозы украинских крестьян, но охватил и регионы Украинского Прикубанья, Донского края и Поволжья»⁹. При этом автор сделал акцент на национальном факторе, подчеркивая, что «украинский крестьянин терпел двойные гонения – и как крестьянин, и как украинец. Так объединились против него два фактора: противостояние партии крестьянства и противостояние партии украинскому национализму»¹⁰. Конквест считал, что голод в Украине являлся геноцидом национальной группы, в данном случае украинцев, организованным государственной властью в СССР. Это автоматически выводило проблему голода в СССР в целом и в Украине в частности на политический уровень. Собственно, заданная книгой Конквеста на тот момент тональность дискуссии отчасти до сих пор влияет на любые исследования и связанные с ними дискуссии относительно проблемы голода.

В то же время характерно, что, к примеру, голод в Казахстане в книге Конквеста не рассматривался в том же качестве, что и в случае с Украиной. Конквест писал, что «голод в Казахстане в эти годы был вызван искусственно, тем же способом, как и в 1921 году, то есть он возник в результате безрассудного проведения политики, продиктованной чисто идеологическими соображениями. Но в отличие от Украины, голод в Казахстане не был орга-

⁷Там же. С. 19.

⁸Ассман А. Забвение истории – одержимость истории. – М., 2019. С. 115.

⁹Конквест Р. Жатва скорби. Советская коллективизация и террор голодом. / Пер. с англ. Коэн И., Май Н. – London, 1988. С. 10.

¹⁰Там же. С. 11.

низован преднамеренно»¹¹. Хотя Конквест и сделал предположение, что эти два события имеют определенную связь друг с другом. По его словам, «высказывалось, однако, предположение, что, увидев, как эффективно не запланированный никем казахстанский голод подавил сопротивление местного населения политике Советской власти. Сталин воспользовался этим средством, чтобы расправиться потом с Украиной»¹².

Очевидно, что для Конквеста приоритетным направлением являлась именно ситуация с Украиной. Положение дел в Казахстане не имело такого значения или было ему мало знакомо. Но в обоих случаях Конквест делал акцент на политике государства, которая сделала возможным голод в Украине, Казахстане и некоторых других районах СССР. Во многом именно это предопределило характер последующей весьма обширной дискуссии. Речь шла о степени информированности государства в ситуации с голодом, его возможной мотивации в связи с этим, в конечном итоге об уровне ответственности.

Книга Конквеста вышла в 1986 году, примерно в то же время в СССР началась частичная политическая либерализация. При рассмотрении сложных моментов советской истории акцент был сделан на виновности некоторых руководителей страны в тех негативных ситуациях, которые были отмечены в отдельные периоды истории СССР. Таким образом, советские власти хотели вывести из-под удара государственную идеологию. В первую очередь речь шла об ответственности многолетнего руководителя СССР Иосифа Сталина. Советский историк Виктор Данилов в 1989 году писал, что «то обстоятельство, что хлеб у колхозов изымался на нужды индустриализации, не может оправдать ни насилия при создании колхозов, ни тем более этого голода. Голод 1932–1933 годов не может быть оценен иначе, как самое тяжкое преступление сталинского руковод-

ства против советского народа, против дела социализма»¹³. Таким образом, в позднем СССР противопоставляли собственно социалистическую идеологию и отдельных руководителей, которые своими действиями ее скомпрометировали.

Но естественно, что социалистическая идеология должна была оказаться вне критики конкретных действий части бывшего руководства СССР. Это был такой компромиссный вариант, который позволял отойти от данного ранее Конквестом определения геноцид в отношении голода в Украине. Одновременно это давало возможность признать ответственность властей того времени за произошедший голод и, соответственно, сделать акцент на факторе, который связан с «эксцессом исполнителя». Такой подход был обусловлен тем, что при рассмотрении любой сложной ситуации выдвигал на первый план ошибки исполнителей или их преступления, если последствия были слишком тяжелыми. Соответственно, «эксцесс исполнителя» выводил из-под удара доминирующую идеологию и государственную систему в целом.

После распада СССР холодная война прекратилась. После этого заметно снизился накал идеологического противостояния. Это сказалось на межгосударственных отношениях, а также на состоянии науки. После довольно напряженных дискуссий в научном обществе вопрос о геноциде был в целом снят, изменил свою позицию и сам Конквест. В работе Стивена Уиткрофта и Роберта Дэвиса был подведен промежуточный итог дискуссии: «Западные комментаторы и историки долго спорили о том, был ли голод «рукотворным». Они расходятся в своих оценках степени ответственности советской политики за эту трагедию и сознательного использования террора государством. После выхода первого издания этой книги Роберт Конквест, наиболее широко цитируемый

¹¹Там же. С. 293.

¹²Там же. С. 293–294.

¹³Данилов В. Коллективизация. // На исторические темы. Диалог ведет читатель. – М., 1989. С. 395.

сторонник теории умышленного голода, уточнил свою позицию по данному вопросу. По его мнению, четко заявил Конквест, голод вызывали большевики своими преступно-террористическими мерами, однако он не думает, будто они планировали его сознательно»¹⁴.

С одной стороны, изменение позиции Конквеста и большая степень умеренности в оценках западных исследователей была связана со снижением общего напряжения в мире после завершения холодной войны. Соответственно, идеологическая составляющая становилась менее значимой при оценке тех или иных исторических событий. С другой стороны, появление у историков из западных стран возможности работать в советских архивах, а также публикация в 1990-х годах многих важных документов заметно расширили представление о происходивших в СССР процессах.

Для науки в целом свойственно избегать идеологически мотивированных выводов. Поэтому публикация документов расширила общий научный кругозор. Несомненно, что это повлияло и на выводы по тем или иным сложным моментам истории СССР, в том числе и в отношении проблемы голода. Кроме того, относительно свободный доступ в советские архивы в 1990-х годах поставил вопрос об отсутствии документов, которые содержали бы прямые указания властей по организации голода. Так, российский историк Виктор Кондрашин писал, что «несмотря на очевидную вину сталинского руководства в трагедии 1932–1933 гг., его действия все же нельзя квалифицировать как «геноцид» – осознанное стремление уничтожить часть населения или народ с помощью голода. На этот счет отсутствуют прямые и достоверные источники. Более того, имеющиеся документы свидетельствуют о том, что сталинское руководство предпринимало серьезные

меры по выходу регионов из голодного кризиса»¹⁵. В другой своей работе Кондрашин писал: «Следует отметить, что, перерыв горы документов, исследователи еще не обнаружили ни одного постановления ЦК партии и советского правительства, где приказывалось бы убить с помощью голода определенное число украинских или других крестьян!»¹⁶.

В данном контексте стоит отметить, как указывалось выше по тексту, что целью властей в СССР в 1930-е годы было установление контроля над всеми ресурсами страны, именно для этого предпринимались масштабные репрессии. Но речи не было о возможности полного разрушения того или иного сегмента экономики. Потому что в этом случае заметно сократилась бы мощь государства. Поэтому власти начинали оказывать помощь голодающим, когда ситуация становилась особенно критической. Потому что для государства были важны работники, а не их отсутствие. В связи с этим, собственно, настолько сложно было найти в советских архивах документы с прямым указанием об уничтожении тех или иных групп населения, в том числе по национальному признаку. Вероятность существования таких документов была крайне мала.

В то же время были документы, в которых прямо приказывалось полностью лишать людей продовольствия в качестве наказания за невыполнение производственных планов, как это было в Украине. То есть действия властей могли быть преступными с любой точки зрения, особенно с общечеловеческой, но их было сложно считать организованным процессом уничтожения отдельных групп населения. То есть тем, что после второй мировой войны было признано геноцидом.

В этом смысле показательно мнение украинского историка Станислава Кульчицкого: «Я хочу доказать, что причиной обще-

¹⁴Дэвис Р., Уиткрофт С. Годы голода: Сельское хозяйство СССР, 1931–1933. / Пер. с англ. Л. Вздорик. – М., 2011. С. 14.

¹⁵Кондрашин В. Новые документы из российских архивов о голоде 1932–1933 гг. в СССР // Современная российско-украинская историография голода 1932–1933 гг. в СССР. – М., 2011. С. 71.

¹⁶Кондрашин В. В. Голод 1932–1933 годов: Трагедия российской деревни. – М., 2008. С. 404

союзного голода был курс на строительство коммунизма методом проб и ошибок. Хочу показать также, что перерастание голода в Голодомор стало следствием тщательно законспирированных преступных действий немногочисленного сталинского окружения. Мы поймем мотивы Сталина, анализируя совокупность происходивших событий, но не обнаружим документов, прямо их подтверждающих, ибо диктатору не нужно было объяснять свои действия подчиненным»¹⁷.

Кроме того, Кульчицкий писал, что «люди умирали на Украине от искусственного, спровоцированного действиями властей голода в течение всех этих двух лет. Но исследователь должен определить грань, которая отделяет смерть от голода, от убийства голодом. В первом случае голод был достаточно неприятным для Кремля побочным следствием его политики, и по мере возможности власть принимала меры для спасения голодающих. Во втором случае, т. е. за этой гранью, голод специально организовывался с расчетом лишить жизни определенное количество людей. В отличие от вполне точных контрольных цифр по отстрелу «врагов Советской власти», число людей, которое подлежало убийству голодом, было неопределенным и могло регулироваться мероприятиями по спасению голодающих. К тому же спасение голодающих становилось в этом случае убедительным доказательством непричастности власти к убийству голодом – наиболее отвратительному, а потому и замаскированному способу борьбы с «врагами Советской власти»¹⁸. В некотором смысле Кульчицкий оппонировал приведенной выше точке зрения Кондрашина о том, что оказание властями помощи голодающим является свидетельством отсутствия у них стремления добиваться уничтожения отдельных групп населения.

В любом случае после открытия советских архивов общая картина положения дел

с голодом в СССР в начале 1930-х годов стала гораздо более сложной для научной оценки ситуации. Было очевидно, что речь идет, по сути, о преступной политике со стороны государства, о его безжалостности и беспощадности при проведении внутренней политики, о равнодушии к судьбам людей, о связанных с этим многочисленных жертвах. Многие документы наглядно демонстрируют весь масштаб произошедшей катастрофы во время голода.

Но в то же время документы показывают более сложную картину происходивших событий. В том числе речь идет также о пусть далеко нерегулярной и не вовремя оказываемой, но все-таки продовольственной помощи, чтобы сохранить оставшихся работников. Можно говорить также и об издержках и общей неэффективности работы централизованной бюрократической системы, которая, собственно, и задавала общее направление всей проводимой политики в СССР. Неэффективность бюрократической вертикали и страх чиновников перед репрессиями приводили как к чрезмерной активности местных органов власти, так и к появлению различных издержек и злоупотреблений на местах.

В общем, после распада СССР представление о советской политике в 1930-х годах стало гораздо обширнее, появилось существенно больше информации, что наглядно продемонстрировало масштаб произошедшей катастрофы. Но все это уже избавило профессиональных историков от необходимости следовать идеологической логике, что было характерно для времен холодной войны, когда и появилась книга Роберта Конквеста.

Соответственно, западные оценки ситуации стали основываться на все более компромиссных вариантах. В этом смысле показательна оценка Терри Мартина, автора книги «Империя положительной деятельности. Нации и национализм в СССР 1923–1939

¹⁷Кульчицкий С. Украинский голодомор как геноцид // Современная российско-украинская историография голода 1932–1933 гг. в СССР. – М., 2011. С. 109.

¹⁸Там же. С. 154–155.

годы». По его мнению, «кампания террора 1932–1933 гг. включала в себя и террор при проведении хлебозаготовок, главной мишенью которого было крестьянство (и русское, и крестьянство национальных регионов), и национальный террор против представителей определенных национальностей, главной мишенью которого стали украинцы и в последствии белорусы. Террор при проведении хлебозаготовок стал кульминацией начавшейся в 1927–1928 гг. кампании по изъятию максимально возможного количества зерна у враждебно настроенного крестьянства. А потому главными его объектами были зернопроизводящие районы Украины, Северного Кавказа и Нижней Волги, а не те зернопроизводящие районы, которые полностью избежали террора при проведении хлебозаготовок 1932–1933 гг. И национальность преследуемых во время проведения этой кампании имела лишь ничтожное значение. Голод не был намеренным актом геноцида, направленным конкретно против украинского народа. Однако в равной степени неправильно было бы утверждать, что национальный фактор вообще не играл никакой роли в возникновении голода»¹⁹.

Характерно также мнение чешских авторов коллективного труда по истории СССР с 1917 по 1945 год. Они писали, что «нет достоверных свидетельств того, что Сталин умышленно оставил умирать от голода миллионы людей или что он намеренно вызвал голодомор на Украине. Но это, конечно, никак не оправдывает его политику, повлекшую за собой голод, и не снимает со Сталина и его приспешников ответственности за действия, которые, как им было известно, приведут к голодной катастрофе на Украине и в обширных регионах России и Казахстана»²⁰.

Итальянский историк Андреа Грациози считал, что «голод в 1931 году, свирепствовавший только в некоторых районах (впрочем, в Казахстане гибель кочевников уже и тогда носила массовый характер), а весной 1932 года распространившийся на более обширные территории стал, таким образом, непредвиденным, незапрограммированным следствием марксистской политики, на которую большевики сделали ставку в своей борьбе с частными производителями»²¹.

К этому стоит добавить позицию Роберта Киндлера, автора книги «Сталинские кочевники. Власть и голод в Казахстане». Он задавался вопросом, «так имел ли место геноцид во время голода на Украине (и в Казахстане тоже)? Хотя подобная точка зрения вновь и вновь проводилась и проводится с большой настойчивостью, это еще не делает ее верной. Не был голод геноцидальной программой массового убийства»²². Хотя далее он развивал свою мысль: «Даже если голод не планировался специально, «товарищам» он чрезвычайно пришелся ко двору. Большевики использовали его по всему СССР – и в Казахстане в том числе – так, как будто сознательно его организовали. Он сыграл роль главного рычага осуществления их власти в преимущественно крестьянском советском обществе»²³.

В современной России многие историки придерживались похожих оценок, правда, с некоторыми поправками. В частности, Виктор Кондрашин писал, что «на наш взгляд, понятия «рукотворный», «организованный» голод могут быть использованы при оценке трагедии в том смысле, что голод наступил в результате деятельности людей, политиков, а не в связи с природными катаклизмами. То есть голод явился прямым результатом по-

¹⁹Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. / Пер. с англ. О. Щелоковой. – М., 2011. С. 419–420.

²⁰Рейман М. Рождение державы: история Советского Союза с 1917 по 1945 год. / Михаил Рейман, Богуслав Литера, Карел Свобода, Даниэла Коленовска. / Пер. с чешск. И. Г. Безруковой, Е. В. Максимовой, С. С. Скорвида, Н. Я. Фальковской. – М., 2015. С. 549.

²¹Грациози А. Великая крестьянская война в СССР: Большевики и крестьяне, 1917–1933. – М., 2008. С. 75.

²²Киндлер Р. Сталинские кочевники: власть и голод в Казахстане. / Пер. с нем. Л. Пантиной. – М., 2017. С. 24.

²³Там же. С. 18–19.

литики коллективизации и хлебозаготовок, которую проводили конкретные властные органы под руководством ЦК партии, советского правительства и лично Сталина. В то же время вопрос о правомерности данной терминологии остается открытым»²⁴. Позиция Кондрашина исходила из преимущественной ответственности центральной власти в организации голода, включая ее главу Сталина.

В то же время другой российский автор Федор Синицын делает больший акцент на концепции «эксцесса исполнителей»: «Геноцид подразумевает запланированное убийство, однако в СССР голод и смерть людей не планировались ни центральными, ни местными властями. Тем не менее это не извиняет трагических ошибок, которые сделали чиновники, стремясь выполнить и перевыполнить программу мясо- и хлебозаготовок, что и стало причиной голода и смерти людей»²⁵. Но в любом случае все указанные историки подчеркивают, что государство не планировало уничтожения своих граждан посредством голода.

В общем, для людей науки, и на Западе и в России, основной вывод заключался в том, что политика советской власти привела к появлению множества жертв среди населения, и такое утверждение в основном делает ее преступной. Но в то же время у этой политики изначально не было преступных намерений, потому что она не стремилась к появлению всех указанных жертв. То есть позиция основывается на том, что советская власть совершила много разных действий, которые имели самые тяжелые последствия, но при этом она все же не планировала их появления.

Такая постановка вопроса позволяла историкам рассматривать самые разные и весьма подробные аспекты эпохи сталинских реформ, и в том числе трагедии, связанной со

страшным голодом начала 1930-х годов. То есть историки могли сосредоточиться главным образом на научном подходе к изучению проблемы. Соответственно, это дало им возможность отойти от ее идеологической составляющей, которая даже после падения СССР и открытия архивов все равно сохранила свое влияние.

В первую очередь это, конечно, характерно для Украины, где концепция голодомора после постановления Верховной Рады 2006 года стала важной составной частью государственной идеологии. В целом украинская позиция основывается на том факте, что в Украине было существенно больше жертв голода, чем в это же самое время в России. В России голод также имел место, но на отдельных территориях – в Нижнем и Среднем Поволжье, на Дону и на Северном Кавказе. Так, в начале 1990-х годов международная комиссия по расследованию голода на Украине в итоговом заключении написала, что «у Комиссии нет объяснения тому факту, что российские территории в этот период не были поражены голодом, тогда как в 1921–1922 гг. Россия разделила эту участь с Украиной»²⁶. Такое заключение оставляет разные возможности для интерпретации.

В Казахстане сразу после приобретения независимости вопрос оценки советского прошлого преимущественно носил идеологический характер. Так, в 1992 году в заключении комиссии Президиума Верховного Совета Республики Казахстан по решениям СНК КазАССР 1928 и 1930 годов, которые привели к массовому голоду, было записано, что «масштабы трагедии были столь чудовищны, что мы с полной моральной ответственностью можем обозначить ее как проявление политики геноцида. Такая констатация вытекает из строгих норм международного права, зафиксированных в международной конвен-

²⁴Кондрашин В. Голод 1932–1933 гг. в современной российской и зарубежной историографии: взгляд из России // Современная российско-украинская историография голода 1932–1933 гг. в СССР. – М., 2011. С. 54.

²⁵Синицын Ф. Л. Советское государство и кочевники. История, политика, население. 1917–1991. – М., 2019. С. 125.

²⁶Итоговый отчет Международной комиссии по расследованию голода 1932–1933 годов на Украине. // Голод 1932–1933 годов: Сб. ст. / Отв. ред. Ю. Афанасьев. – М., 1995. С. 8.

ции «О предупреждении преступления геноцида и наказания за него»²⁷.

В данном случае стоит отметить, что такое решение принималось главным образом в ситуации политической либерализации, которая была характерна для позднего СССР и начального периода независимости Казахстана. Данное обстоятельство имело большее значение для появления этого документа, чем даже усиление национального движения в Казахстане в ходе приобретения независимости. В этом смысле либеральные подходы к истории были характерны для всех новых независимых государств на территории бывшего СССР, в том числе и для России. Поэтому в России в это время открывали архивы и публиковали документы из раннего периода истории СССР.

Однако затем стали развиваться другие тенденции. С одной стороны, либерализация привела к открытию архивов, что в конечном итоге привело к существенному изменению позиции историков относительно голода в СССР. Как указывалось выше, именно это обстоятельство во многом привело к постепенному отказу в научном сообществе от термина «геноцид» в отношении феномена голода в СССР. С другой стороны, политическая либерализация сменялась тенденцией к усилению степени централизации власти. В том числе это было характерно для Казахстана и России. Соответственно, на первый план постепенно вышли государственные интересы. Среди прочих моментов это потребовало в том числе и учета интересов партнерских государств. Изабель Огайон писала в связи с этим, что «в Казахстане присутствие европейских меньшинств и политическая близость этой республики с Россией обязывает государственные институты придерживаться более умеренной позиции в этом вопросе

(оценке ситуации с голодом начала 1930-х годов)»²⁸. При этом характерно, что решение о признании голода 1930-х годов геноцидом принимала комиссия Верховного Совета, который был избран в процессе либерализации в позднем СССР в 1990 году. Для центральной вертикали власти, как в Казахстане, так и в России, это стало основанием не акцентировать особого внимания на этом документе.

В то же время весьма показательно, что западные ученые, которые писали о голоде в Казахстане, в целом придерживались общих для научного мира подходов к оценке ситуации с голодом в СССР в начале 1930-х годов. Выше упоминалось мнение немецкого историка Роберта Киндлера относительно использования термина «геноцид» в СССР и Казахстане. Характерна также позиция итальянского историка Никколо Пьянчолы. В работе 2004 года он писал, что «в период первой пятилетки, когда власть стала осуществлять политику введения казахов в структуры советского государства и «строительства казахской социалистической нации», входящей в «содружество народов СССР», значительная часть этой нации, пользовавшейся привилегиями, в пользу которой даже ограничивались права русских, погибла мучительной смертью. Это истребление не было запланированным и осознанным актом государства, полностью контролировавшего вертикаль власти и периферийные администрации, а скорее наоборот – стало возможным в силу слабого контроля территорий со стороны руководства, занятого в то время хаотической индустриализацией. Истребление казахов не было целью Центра, но явилось той ценой, которую он готов был заплатить за то, чтобы достичь политического контроля и экономического преобразования региона»²⁹.

²⁷Насильственная коллективизация и голод в Казахстане 1931–1931 гг.: Сб. мат. и док. / Вст. ст. и сост.: К. С. Алджуманов, М. К. Каиргалиев, В. П. Осин, Ю. И. Романов. – Алматы, 1998. С. 6.

²⁸Огайон И. Седентеризация казахов СССР при Сталине. Коллективизация и социальные изменения. (1928–1945 гг.). / Пер. с франц. А. Ракишева. – Алматы, 2009. С. 332–333.

²⁹Пьянчола Н. Казахские пастухи между коллективизацией и голодом. 1928–1934 // Казахстан и Россия: общества и государства. – М., 2004. С. 104.

В 2018 году он уточнил свою мысль: «Москва никогда не ставила себе задачу уничтожения казахов как этнической группы. Более того, нельзя объяснить казахскую трагедию прямой и сталинским неоколониализмом»³⁰.

При этом Пьянчола сделал ремарку: «Один из наиболее важных вопросов, связанных с голодом в Казахстане в 1931–1933 гг., является причина неравномерного распределения смертности по национальностям. Несмотря на то, что в конце 1920-х гг. треть населения Казахстана составляли славянские переселенцы, большинство жертв голода были казахами»³¹. Согласно его мнению, «однако бесспорно, что жертв среди казахских скотоводов было больше, чем среди европейских крестьян и горожан Казахстана, и в абсолютных, и в относительных значениях»³². В данном случае Пьянчола стремится избегать идеологических моментов, связанных с оценкой ситуации, как геноцида. В то же время он исходит из научной объективности и ставит весьма болезненные для идеологии современных Казахстана и России вопросы о том, что голод в Казахстане затронул главным образом казахское население.

В свою очередь французский историк Изабель Огайон писала, что «проблема геноцида, спровоцированного голодом, поднималась в Казахстане журналистами и некоторыми политическими группами, а также представителями науки. Репрезентативным в этом отношении является украинский опыт. Если выделить из него определение «геноцида», признаваемого международными юридическими организациями, которое ставит на первое место намерение уничтожить какую-то этническую, расовую или религиозную группу, то неизбежно возникает вопрос о движущих силах. Зачем желать исчезновения казахского населения? Если и существуют какие-то доводы, доказывающие

желание уничтожить украинский национализм, имевшийся в природе до гражданской войны, то казахи никогда не представляли националистическую опасность для СССР... Ни один экономический или политический аргумент не мог являться основанием для развертывания геноцида»³³.

Несомненно, что в целом приведенные выше оценки ситуации исходят из характерной для западной научной мысли позиции относительно природы сложных процессов, происходивших в истории СССР. Поэтому ее представители могут акцентировать внимание на моментах, в том числе весьма болезненных для современных подходов к идеологическим вопросам отношения к истории СССР, как в России, так и в Казахстане. Но они определенно избегают определения «геноцида», в связи с его высокой идеологической составляющей и существованием в западной научной мысли консенсуса по этому поводу.

Тем не менее на постсоветском пространстве такой консенсус пока не сложился. Тема голода либо вовсе не затрагивается в силу своей особой чувствительности, особенно в политическом плане, либо авторы концентрируются главным образом как раз на деталях произошедших трагических событий. Здесь и идет основная дискуссия. Хотя, безусловно, некоторые авторы либо поддерживают концепцию геноцида, либо опровергают его.

Но такой подход не отменяет тщательного рассмотрения обстоятельств произошедшей трагедии с массовым голодом в отдельных районах СССР. Именно тот факт, что смертность от голода имела место только на некоторых территориях СССР и при этом не затронула многие другие районы, является главным дискуссионным моментом. Действительно, почему массовый голод был среди кочевников Казахстана, но его не было

³⁰Пьянчола Н. Сталинская «иерархия потребления» и великий голод в Казахстане. // Ab Imperio, № 2, 2018. С. 83.

³¹Там же. С. 81.

³²Там же. С. 81.

³³Огайон И. Седентеризация казахов СССР при Сталине. Коллективизация и социальные изменения. (1928–1945 гг.). / Пер. с франц. А. Ракишева. – Алматы, 2009. С. 332.

среди кочевников калмыков, бурят, кыргызов? Почему голод был среди земледельческого населения Украины, Северного Кавказа, Дона и части Поволжья, но его не было в Сибири, Белоруссии, центральных районах России?

В этом смысле в самом сложном положении обычно оказываются российские историки. Они могут поддерживать научные подходы западных исследователей и подчеркивать, что главными причинами произошедшей в СССР трагедии с голодом были последствия проводимой государством политики. Виктор Кондрашин указывал, что «на наш взгляд, недостаточно убедительной остается позиция исследователей, истолковывающих всенародную трагедию 1932–1933 гг. в рамках концепции геноцида голодомором, выпячивающих национальный фактор в сталинской аграрной политике. Все же в основе трагедии лежали политические и социально-экономические факторы, связанные с осуществлением сталинского варианта индустриальной модернизации СССР»³⁴.

Похожее мнение высказывал Андрей Грозин: «Не вызывает сомнений тот факт, что за «сталинской революцией сверху», и, следовательно, за политическими мерами, породившими кризис 1931–1932 годов, стояла коммунистическая идеология и коммунистические идеалы, какими бы примитивными они ни казались сегодняшним исследователям. На эти, общие для всего тогдашнего СССР, идеологические основания в Казахстане, где потери, если рассматривать их относительно общего числа населения, были больше, чем на Украине, наложился бездумно и грубо реализованный процесс превращения кочевого народа в оседлый и полное равнодушие руководства в центре и на местах к судьбе коренного населения»³⁵.

Такая позиция акцентирует внимание в целом на политике модернизации, жертва-

ми которой стали миллионы людей по всему СССР, и это главное обстоятельство, которое с этой точки зрения стоит принимать во внимание. Роберт Киндлер по этому поводу писал: «Российская позиция в отношении голода кристально ясна: это «трагедия народов СССР». Сталин и его вассалы несут за нее ответственность, но они никогда не имели намерения уничтожать целые нации; голод – та цена, которую они готовы были заплатить за модернизационный рывок начала 1930-х гг. Казахстан присоединился к такой позиции, не желая сердить могущественного союзника»³⁶.

Тем не менее вопрос о разнице в масштабах голода и их последствиях для разных групп населения все равно остается. Просто он оказывается на другом уровне дискуссии, там, где речь больше идет об обстоятельствах произошедшей трагедии. Потому что тезис о том, что голод был общей трагедией для всего СССР, не отменяет того факта, что были отдельные районы, пострадавшие в большей степени. В этом смысле весьма показательна, как Виктор Кондрашин объясняет, почему голод не затронул районы Белоруссии, Сибири и Дальнего Востока.

По его словам, «говоря о природно-географическом факторе, следует указать и на очевидный факт – его влияние на интенсивность голода в зависимости от географии расположения населенных пунктов. В частности, наличие лесов с их «дарами», рек и прудов с рыбными ресурсами, традиционная специализация выращивания овощей и фруктов, более мягкий климат и т. д. – все это позволяло смягчить остроту голода и не допустить массовой смертности населения в условиях изъятия у деревни необходимой государству основной сельскохозяйственной продукции. В 1932–1933 годах так было в большинстве сельских районов Белоруссии, Сибири и Дальнего Востока. Там также голодали и умирали

³⁴Кондрашин В. Голод 1932–1933 гг. в современной российской и зарубежной историографии: взгляд из России // Современная российско-украинская историография голода 1932–1933 гг. в СССР. – М., 2011. С. 55–56.

³⁵Грозин А. В. Голод 1932–1933 годов и политика памяти в Казахстане. – М., 2014. С. 133.

³⁶Киндлер Р. Сталинские кочевники: власть и голод в Казахстане. / Пер. с нем. Л. Пантинной. – М., 2017. С. 335.

колхозники и единоличники в результате коллективизации и хлебозаготовок. Но масштабы бедствия (опухание от голода и голодные смерти) были несопоставимы с Украиной, Северным Кавказом и Нижней Волгой. Жертвами голода в его пик, в 1933 году, были единицы или десятки крестьян³⁷.

В данном случае все вышеперечисленные Кондрашиным факторы имели место и в ситуации с Украиной и Северным Кавказом, включая теплый климат, а также леса и озера. Тем не менее это особенно не помогло местным крестьянам. И здесь опять дискуссия подходит к вопросу об особенностях проведения государственной политики, ее избирательности в проведении репрессивных мер, которые ставили отдельные группы населения в особенно тяжелое положение безотносительно объективных факторов, вроде наличия дополнительных источников пропитания. Если следовать логике Кондрашина, то это не снимает вопроса о причинах произошедшего и существующей разнице в степени распространения массового голода по территории СССР.

В связи с тем, что согласно научному подходу большинство в целом согласилось, что голод в СССР в начале 1930-х годов является следствием проводимой государством модернизации, в идеологии вопроса возникает своего рода разрыв в восприятии информации. Потому что, если модернизация стала причиной голода, то получается, что именно приоритеты этого процесса и привели к разнице в смертности от голода по территории СССР. Естественно, что это приводит к ответственности политического руководства СССР за все сделанные акценты в его политике, которые стали причиной голода. То есть именно в центре власти в СССР принимали те решения, которые в конечном итоге привели к трагической ситуации в Украине, на Северном Кавказе, в Казахстане, части Поволжья, но при этом не затронули Белоруссию, Сибирь, центральные районы России.

Понятно, что в первую очередь это очень непростая ситуация для современной исторической идеологии России, которая заявляет о себе как о преемнике СССР. Даже если окончательно уйти от спорного термина «геноцид», с его высокой политической составляющей, все равно остается вопрос об ответственности государственных органов власти в СССР за приоритеты проводимой ими политики. Поэтому для государственной идеологии России выглядит не очень удобным любое рассмотрение событий начала 1930-х годов вне самых общих моментов о последствиях «сталинской модернизации». Потому что именно модернизация СССР при Сталине сделала эту страну обладателем той самой военно-политической мощи, на которую ориентируются в современной России. В такой ситуации более логично постараться уйти от слишком тщательного рассмотрения деталей и обстоятельств произошедшего голода.

Показательно, что некоторые российские авторы делают акцент на том, что главными виновными в произошедшей трагедии являются представители местных органов власти. Весьма характерно в этой связи мнение Андрея Грозина: «Местный актив часто представлял собой неуправляемые группы, которые пользовались директивами крайкома как поводом для «законного» грабежа и безнаказанных злоупотреблений. Директива о коллективизации была воспринята активом как разрешение на тотальный грабеж. Ранней весной 1930 года кочевников стали сгонять с зимовок и направлять в места оседания, не считаясь с падежом скота»³⁸.

Дмитрий Верхотуров писал, что «Казахстан, таким образом, шагал к голодной смерти вместе со всеми. Но Голощекин и его сторонники сумели еще больше усугубить назревавшую хозяйственную катастрофу и превратить ее в повальное бедствие, от которой Казахстан недосчитался почти половины населения и последствия которой полностью

³⁷Кондрашин В. В. Голод 1932–1933 годов: Трагедия российской деревни. – М., 2008. С. 416–417.

³⁸Грозин А. В. Голод 1932–1933 годов и политика памяти в Казахстане. – М., 2014. С. 62.

не изжиты до сих пор»³⁹. Федор Сеницын писал, что «не совсем понятно, какой был смысл в выжимании из крестьян и кочевников всех соков в рамках хлебо- и мясозаготовок, даже если принять во внимание острую необходимость обеспечения продовольствием городов. Фактически власть разрушала хозяйства, которые должны были производить продовольствие и дальше, в будущем. Очевидно, такое «выжимание» зачастую было инициативой местных чиновников, «эксцессом исполнителей»⁴⁰.

Собственно, в целом в данном контексте основной акцент делается на указанном выше «эксцессе исполнителя». То есть на том обстоятельстве, что местные кадры несут основную ответственность за повышенную смертность. Это может быть связано с их излишней инициативностью, как у Сеницына, с их неэффективностью, как у Верхотурова, или с неуправляемостью, как у Грозина. Но общей тенденцией здесь является стремление доказать тезис, что местные кадры несут относительно большую ответственность за произошедшую катастрофу, нежели центральные власти.

В случае с Казахстаном наличие в системе власти в 1930-х годах большого числа казахов рассматривается в качестве доказательства того факта, что, собственно, казахские управленцы в системе власти не только в том числе, но и в основном ответственны за произошедший в республике голод. Помимо этого отдельно выделяется фактор наличия в казахском обществе патрон-клиентских сетей, которые действовали в своих интересах при распределении продовольствия. Это имело большое значение с учетом того, что практически все продовольствие находилось в руках государственных органов и от системы его распределения напрямую зависели судьбы людей. Поэтому те в Казахстане, кто имел отношение к работе государственных

органов распределения продовольствия, имели определенное преимущество, которое могли использовать в интересах поддержки некоторых близких им людей.

Все это вполне могло иметь место. В критической ситуации каждый стремился реализовать свою собственную стратегию выживания. Естественно, что такая стратегия была более эффективной у тех, кто смог тем или иным образом попасть в систему распределения продовольствия. То есть, по сути, речь шла о тех группах населения, которые либо работали на государство, либо были с ним тесно связаны посредством различных сетевых отношений.

Однако какими бы ни были действия представителей казахстанской бюрократии в начале 1930-х годов, какую бы личную стратегию выживания ни реализовывали те представители казахского общества, которые находились во власти в КАССР, их действия все равно были вторичными по отношению к политике центральных органов власти. Это делало их действия гораздо менее значимыми для масштабов произошедшей трагедии с голодом в КАССР, чем действия политического центра. Именно в центре власти в СССР принимались все решения, там требовали их выполнения, там настаивали на максимально жестких мерах, угрожая репрессиями. Поэтому никакой «эксцесс исполнителя» не мог принципиально изменить общего направления политики центральной власти, которая, собственно, и привела к трагедии.

В конце 1920 – начале 1930-х годов исполнители могли только проявлять усердие при выполнении заданий. Другого варианта не было, потому что в противном случае они подверглись бы репрессиям. Конечно, это не оправдывает исполнителей и не избавляет их от ответственности тем фактом, что они выполняли приказ. Тем не менее нелогично утверждать, что именно исполнители на ме-

³⁹Верхотуров Д. Н. Ашаршылык: Великий голод в Казахстане 1932–1933 годов. – М., 2013. // https://www.litres.ru/static/or4/view/or.html?baseurl=/download_book/26122112/60471482/&uuiid=0509e3d5-174e-498e-b9da-1f1392873d4f&art=26122112&user=456088253&uilang=ru&catalit2&track_reading/. С. 105.

⁴⁰Сеницын Ф. Л. Советское государство и кочевники. История, политика, население. 1917–1991. – М., 2019. С. 114.

стах в том же Казахстане сыграли основную и роковую роль в масштабах произошедшей трагедии.

Следование такой логике фактически означает стремление вывести из-под удара центральную власть в СССР. Вернее, не саму власть, а проводимую ею политику модернизации. Повторюсь, что именно данная политика сделала СССР могущественной державой, обладавшей военно-политической мощью. Но, кроме этого, она также изменила образ жизни населения, ликвидировала неграмотность, в целом способствовала созданию более современного общества. То есть для сторонников условных прогрессистских идей общая ориентация на прогресс является главной причиной попыток увести историю СССР от тех негативных моментов, которые могли бы ее дискредитировать или маргинализировать.

Причем это важно и для сторонников преемственности современной России от СССР и Российской империи. Кроме того, это имеет значение для тех в новых независимых государствах, кто поддерживает общую идею прогресса и выступает против архаики, которая ассоциируется, в том числе, с патриархальным традиционным казахским обществом. Для всех них очень важно перевернуть страницу ранней истории СССР в самый сложный момент его трансформации и сконцентрироваться на периоде, который, условно говоря, начался с 1945 года. Тогда эта страна уже была мощной военной державой, способной на значительные усилия вроде победы в войне против фашистской Германии. Трагическая история голода в СССР в начальный период его модернизации слишком многими воспринимается как слишком негативный момент на фоне грандиозных успехов, на котором в принципе лучше не акцентировать внимание.

В этом смысле стоит обратить внимание на эволюцию взглядов российского историка

Дмитрия Верхотурова. Он известен тем фактом, что написал сразу две книги по теме голода в Казахстане. Одна «Ашаршылык: Великий голод в Казахстане 1932–1933 годов» вышла в 2013 году, другая – «Казахский геноцид», которого не было» – в 2021-м. Сам по себе факт такого интереса к одной теме выглядит весьма необычно. Но еще более необычным выглядит радикальное изменение взглядов автора на предмет его изучения. Конечно, даже Роберт Конквест изменил свою точку зрения. Он согласился снять утверждение о весьма спорном термине «геноцид». Но при этом он не отказался от сути своих оценок той политики в СССР, которая привела к голоду.

Однако Верхотуров полностью поменял свои взгляды. В этой книге много раз цитировались его высказывания из книги 2013 года. Они были вполне умеренными и довольно объективными при проделанном автором анализе ситуации с голодом в Казахстане. В частности, стоит привести цитату Верхотурова о том, что «голод в Казахстане никогда не был и никогда не станет оружием политической борьбы, чем стал голод 1932–1933 годов на Украине. Голод занимает другое место. Во-первых, это память, тяжелая и болезненная память о страданиях и мученической смерти сотен тысяч людей. Не делать на голоде политического капитала – это нравственный долг ныне живущих перед умершими»⁴¹. Такая позиция автора, конечно, отражала его неприятие той политической ситуации, которая сложилась вокруг голода в Украине. Но Верхотуров все же признавал масштаб произошедшей трагедии.

В то время как в книге 2021 года он уже занимал принципиально другую позицию. В начале этой главы уже приводились некоторые цитаты из книги Верхотурова по поводу его стремления разрушить миф о голоде в Казахстане, который он расценивает как антироссийский. Но еще более любопытные выводы были сделаны Верхотуровым по по-

⁴¹Верхотуров Д. Н. Ашаршылык: Великий голод в Казахстане 1932–1933 годов. – М., 2013. // https://www.litres.ru/static/or4/view/or.html?baseurl=/download_book/26122112/60471482/&uuid=0509e3d5-174e-498e-b9da-1f1392873d4f&art=26122112&user=456088253&uilang=ru&catalit2&track_reading/. С. 1.

воду того, кто, по его мнению, является основным виновником трагедии с голодом в Казахстане.

Верхотуров пишет, что «причины голода находятся в казахской среде, и именно в казахской среде находились его организаторы, поскольку сам характер голода с очевидностью рукотворный и не связан с какими-либо стихийными бедствиями, джудом и тому подобными форс-мажорными причинами. Но кто мог быть организатором голода? Фактически возможный вариант только один – казахское байство»⁴². Далее он продолжает развивать эту мысль и утверждает, что бай, с одной стороны, опирались на поддержку «агентуры» в органах советской власти⁴³. Кроме того, Верхотуров полагает, что бай ждали помощи от «басмачей», которыми он называет и повстанцев из Средней Азии, и казахов из Синьцзяна⁴⁴. При этом он проводит линию к Великобритании, которая, по его мнению, стояла за «басмачами», а также к религиозным авторитетам из Бухары⁴⁵.

Таким образом, Верхотуровым выстраивается относительно стройная логическая цепь о существовании заговора. В ней есть место классовым врагам, к которым еще в советское время относили баев, как, собственно, и кулаков в русской деревне, а также их агентам в местной бюрократии, еще и врагам советской власти из-за границы. В первую очередь речь идет о Великобритании. В принципе все вышесказанное вполне соответствует логике 1930-х годов, которая обычно отражалась в партийных документах и докладных записках ОГПУ. По этой логике вполне можно объяснить любые так называемые «перегибы» руководителей на местах именно происками врагов. В 1930-е годы термин «перегибы» активно использовался в лексике того времени.

Например, Турар Рыскулов в докладной записке Иосифу Сталину в сентябре 1932 года писал: «...это сокращение (численности скота в Казахстане. – *Прим. авт.*) связано было, наряду со злостным убоем скота баями, с перегибами и, в том числе, с перегибами по коллективизации»⁴⁶.

В 1932 году Рыскулов должен был исходить из сложившейся в СССР практики объяснять все сложности происками внутренних врагов. Но зачем это делать в 2021 году Верхотурову, когда вся логика его анализа ситуации противоречит всему тому, что было написано про голод в Казахстане, в том числе и им самим. Тем более что с начала 1990-х годов было опубликовано большое количество документов и в России, и в Казахстане.

Но Верхотуров явно не слишком критично воспринял тексты ОГПУ и внутренние партийные документы того периода. С этим связана и его ремарка, что «в документах ОГПУ должны сохраниться более подробные сведения о связях казахского байства и духовенства с басмачами»⁴⁷. Но самым показательным является следующее его высказывание: «Партийное руководство в лице ЦК ВКП(б) и Казкрайкома ВКП(б) имело масштабные планы увеличения численности казахского населения в КАССР, мощного развития казахского сектора животноводства и земледелия, а также ликвидации неграмотности, начального, среднего и профессионального обучения с целью всестороннего приобщения к высокопроизводительному труду. Уже только приведенных фактов достаточно, чтобы однозначно сказать, что миф о «казгеноциде» это чушь и абсурд»⁴⁸. Такое заявление противоречит логике. Потому что любые заявленные планы советской власти плохо соотносятся с известным фактом гибели большого числа людей в Казахстане от голода. В данном случае вопрос стоит таким

⁴²Верхотуров Д. Н. «Казахский геноцид», которого не было. – М., 2021. С. 78–79.

⁴³Там же. С. 114.

⁴⁴Там же. С. 119.

⁴⁵Там же. С. 121.

⁴⁶Рыскулов Т. Собрание сочинений в трех томах. Т. 3. – Алматы, 1998. С. 306.

⁴⁷Верхотуров Д. Н. «Казахский геноцид», которого не было. – М., 2021. С. 121–122.

⁴⁸Там же. С. 42.

образом: была ли смерть людей следствием политики государства? Ответ очевиден, именно государство создало все условия для гибели людей. Планировало ли оно изначально такую смертность населения? Очевидно, что нет. Но это не делает его политику менее преступной. При всем уважении к политике модернизации, ликвидации неграмотности и другим моментам это не является причиной отрицать роль государства в организации голода.

Последняя книга Дмитрия Верхотурова не стоит такого внимания в отличие от его первой работы, которая все-таки выглядит более научной по своему содержанию. Вторая его книга больше напоминает «боевой листок» идеологического фронта из давно ушедших времен. В этом смысле весьма показателен главный вывод его книги: «Люди в Казахстане умирали не потому, что сельское хозяйство развалилось под тяжестью хлебо- и скотозаготовок. Это уже надежно опровергнуто. Они умирали с голоду потому, что их грабили, отнимали последнее и бросали на неминуемую гибель. И грабили не большевики, у которых был большой хлебный запас и которые подарили в 1933–1934 годах казахскому населению суммарно 819 тыс. центнеров зерна. Грабили баи, их джигиты и агенты, грабили сознательно, с целью уморить голодом, уничтожить за переход на сторону советской власти. И грабили, при этом трусливо прикрываясь партбилетами и мандатами своих агентов. Казахи грабили и убивали казахов, если хотите»⁴⁹.

В принципе такое заявление Верхотурова противоречит всей истории с голодом в Казахстане, о которой сегодня известно очень многое. На страницах этой книги весьма подробно рассматриваются многие обстоятельства произошедшей трагедии. Верхотуров игнорирует большую часть этих обстоятельств, делая акцент только на тех, которые кажутся ему важными. Он берет во внимание отдельные факты и документы и строит на них свою концепцию.

К примеру, никто не отрицает, что в 1933–1934 годах власти оказывали помощь казахам как продовольствием, так и скотом, который закупали в том числе и в китайском Синьцзяне. Но основные события, которые привели к голоду, произошли в 1931–1932 годах, и их последовательность хорошо известна. Точно так же, как известно, что в СССР в этот период на регулярной основе продовольственное снабжение от государства получали от 30 до 40 млн. человек из примерно 160 млн. жителей. То есть в самый разгар голода государство не оказывало никакой помощи голодающим. Государство не допускало голодающих в города, где в условиях начинавшейся плановой экономики только и можно было получить продовольственное снабжение. Это происходило не только в Казахстане, но и в других районах СССР. При этом власти держали продовольственные запасы в размере до 8 млн. тонн, которые не использовались даже в самые критические моменты голода.

И тезис Верхотурова про казахских баев, их джигитов и их агентов в управленческой администрации, которые якобы «грабили и убивали казахов», чрезвычайно циничен по своей сути. Обвинить людей, что они сами организовали и провели свое ограбление и убийство это очень известный прием отвлечения внимания от тех, кто на самом деле виновен в произошедшем. И не так важно, было ли это запланировано заранее или стало следствием непредвиденных обстоятельств, а также ошибок и злоупотреблений властей на всех уровнях.

В принципе Верхотуров отдает себе отчет в том, что его слова выглядят слишком провокационными. Поэтому он усиливает их еще более радикальными суждениями. После приведенного выше утверждения, что «казахи убивали казахов», Верхотуров пишет: «Вот это и есть та самая мерзкая и вонючая правда, которая, несомненно, была известна творцам мифа о «казгеноциде» и которую они всеми силами и средствами старались скрыть»⁵⁰. С

⁴⁹Там же. С. 167.

⁵⁰Там же.

его стороны это явная попытка оказаться на условном переднем крае борьбы за историческую идеологию. Возможно, таким радикализмом суждений он почему-то хочет перекрыть впечатление от своей прежней книги, которая все-таки называлась «Ашаршылык: Великий голод в Казахстане 1932–1933 годов». Между прочим, в ней были и такие слова: «С точки зрения имевшихся тогда планов оседания, становится понятно, почему детальному проекту оседания не уделялось внимания. Главное было – «освободить» землю, а уж как устроятся казахи в новых условиях, мало кого волновало, поскольку все руководство было согласно с тем, что казахов нужно было принести в жертву массовой распашке степей, в особенности в Северном Казахстане, считавшемся «оседло-земледельческим районом»⁵¹. Возможны и другие причины. Но факт остается фактом. В очень скромном списке литературы по истории голода в Казахстане, изданной на территории бывшего СССР, Верхотуров занимает уникальное место. Он написал две книги с диаметрально противоположными взглядами на одну и ту же тему.

Тем не менее новая книга Верхотурова очень важна, потому что демонстрирует, насколько необходимо объективное историческое знание в ситуации, когда история оказывается в зависимости от идеологии. И неважно, какой именно идеологии – государственной или той, что отражает настроения определенной части общественного мнения. В любом случае история СССР до сих пор является фактором политической жизни. В том числе в связи с тем, что современная Россия поддерживает идею преемственности своей политики по отношению к Советскому Союзу. Это автоматически делает историю этого государства объектом исторической политики или идеологии и очень часто – также и политических дискуссий. Поэтому и вопрос

о голоде начала 1930-х годов чрезвычайно политизирован. В частности, многие в России отрицают ответственность государства в СССР за многие произошедшие потрясения в истории этой страны и оправдывают их успехами модернизации. Они стараются уменьшать количество жертв, перенести ответственность с центральных властей на местных чиновников, а среди них – в том числе и на казахов в структурах местной власти.

Верхотуров – это весьма радикальная форма выражения такой позиции. В более умеренной книге Андрея Грозина «Голод 1932–1933 годов и политика памяти в Казахстане» высказывается следующее мнение: «Казахстанская элита, участвовавшая в трагических событиях, связанных с «советской модернизацией» в республике, явилась прямой преемницей байской родо-племенной аристократии. Попытки формирования «комплекса вины» у неказахов за «прегрешения»: а) Советской власти, б) имперской России, тоталитарной системы ... г) диктатуры центра – не более чем попытка существующей казахстанской элиты преодолеть комплекс неполноценности, проистекающий из генезиса «советского байства», как явления архаичного, оказавшегося у власти не в силу генетической качественности, а скорее в результате высокой приспособляемости и удачного стечения обстоятельств»⁵².

Очевидно, что не могут быть оправданы никакие попытки возложить ответственность на нынешнее поколение за те или иные события из прошлого. Но точно так же на этом основании нельзя отрицать сам факт необходимости рассмотрения любых событий из прошлого. В этом смысле приведенная цитата скорее отражает существующие у автора ожидания или фобии, связанные с тем, такие претензии теоретически могут быть предъявлены. Поэтому проще отрицать или переложить ответственность за произошед-

⁵¹Верхотуров Д. Н. Ашаршылык: Великий голод в Казахстане 1932–1933 годов. – М., 2013. // https://www.litres.ru/static/or4/view/or.html?baseurl=/download_book/26122112/60471482/&uuiid=0509e3d5-174e-498e-b9da-1f1392873d4f&art=26122112&user=456088253&uilang=ru&catalit2&track_reading/. С. 150.

⁵²Грозин А. В. Голод 1932–1933 годов и политика памяти в Казахстане. – М., 2014. С. 54.

шее на сами жертвы трагедии, например, как это сделал Верхотуров.

Хотя очевидно, что такой подход не слишком конструктивен. Для того чтобы можно было предоставить историкам изучать трудные моменты из истории, необходимо, чтобы эти моменты потеряли свое идеологическое значение. Но сделать это будет очень трудно. Тот же Верхотуров прямо апеллирует к идеологии и российскому государству. Он пишет, что «идеология эта антиросийская по своему характеру. В ее рамках казахи преподносятся только как жертвы политики, проводимой центральным советским руководством. Поскольку Россия официально провозгласила себя правопреемником СССР, то, по логике казахских «голодоморщиков», за результаты этой политики отвечать и каяться тоже должна Россия. Их не особенно останавливает тот факт, что Казакская АССР тогда была частью России и входила в состав РСФСР, и тот факт, что эта самая политика проводилась руками руководства Казакской АССР, в том числе и в значительной мере руками этнических казахов»⁵³.

Собственно, в данном случае Верхотуров фактически указывает на главную причину такого отрицания ответственности центральных властей СССР в произошедшей трагедии. Это как раз и связано с тем, что нынешние власти России объявили себя правопреемниками СССР. Поэтому они, вольно или нет, но должны защищать все действия бывшей великой державы. И это является важной причиной тех батальи, которые происходят на почве идеологии, особенно в общественном мнении. В этом смысле новая книга Верхотурова это еще одна попытка доказать приоритет собственной позиции. С весьма радикальной точки зрения он старается отрицать геноцид, точно так же его оппоненты на другом фланге доказывают его существование.

Но на таких историко-идеологических фронтах не бывает победителей, даже если кто-то достиг временного тактического преи-

мущества. Алейда Ассман очень справедливо отмечает, что «согласно афоризму Вальтера Беньямина, история всегда пишется победителями, поскольку они решают, что было якобы на самом деле и что сохраняет свою значимость. Однако с таким же основанием можно сказать: помнят историю побежденные. Особенно в случаях отсутствия архивов и институтов историографии их место занимает императивная сила национальной памяти»⁵⁴. В этом смысле любые попытки, подобные той, которую предпринял Верхотуров, не смогут создать новую историческую реальность. Они только провоцируют новые обострения дискуссии на историко-идеологическом фронте.

В такой ситуации критически важно не умалчивать о произошедшем, а все-таки пытаться проводить максимально объективный анализ общей истории. В ней были самые разные моменты. Здесь должно быть предоставлено место и модернизации традиционного образа жизни казахского общества, в частности ликвидации неграмотности, и той цене, которая была за это заплачена. Из истории нельзя взять только позитив и оставить в далеком прошлом весь негатив. Но и тяжелые моменты истории не следует рассматривать без позитивных моментов, если они, конечно, были.

История СССР предоставляет нам много возможностей для научных исследований о том влиянии, которое его политика оказала на жизнь самых разных народов – от земледельцев русских и украинцев до кочевников казахов. Мы все еще не знаем ответа на многие сложные вопросы. В данном случае идеология с ее политикой либо отрицания любого негатива из истории этого государства либо, наоборот, его актуализации, объективно мешает историческому знанию. В любом случае нужны качественные исследования, которые обычно создают для общества критическую массу исторического знания. По истории СССР и тем более по истории Казахстана таких исследований все еще явно недостаточно.

⁵³Верхотуров Д. Н. «Казахский геноцид», которого не было. – М., 2021. С. 9.

⁵⁴Ассман А. Забвение истории – одержимость истории. – М., 2019. С. 225.

КНИГИ ИНСТИТУТА АЗИАТСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

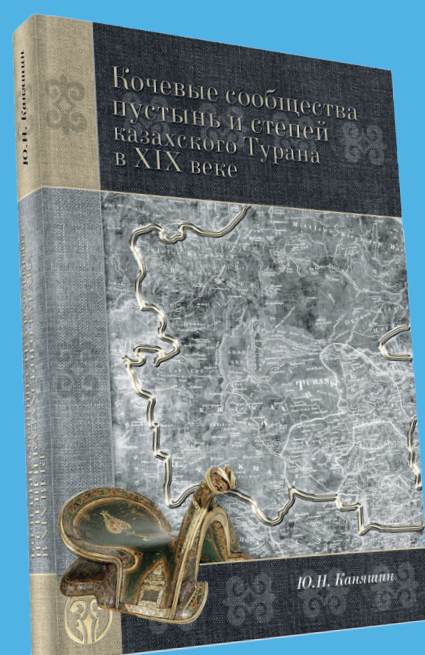
КАЗАХСТАН В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Книга посвящена истории Казахстана в составе Российской империи. Она охватывает период с начала XVIII века, когда стали формироваться первые отношения зависимости казахов от России и стали оформляться первые соответствующие договора, до революции 1917 года. В книге рассматриваются различные аспекты взаимодействия Казахстана и России в контексте их общей истории, включая формирование зависимости, процессы модернизации, земельный вопрос и многие другие.

КОЧЕВЫЕ СООБЩЕСТВА ПУСТЫНЬ И СТЕПЕЙ КАЗАХСКОГО ТУРАНА В XIX веке.

В центре внимания книги: аулы (зимовки), кочевые общины и ассоциации кочевых общин. Социально-экономический и ландшафтный анализ аулов – небольших кочевых сообществ – служит ключом к пониманию более крупных кочевых объединений, исследуемых на примере Кызылтау (Сарыарка), ряда волостей Каркары и Мангышлака. Автором последовательно изучаются особенности кочевания в горно-степной, степной и пустынной природных зонах. При этом ландшафт рассматривается не только как объект общественных отношений, но и как источник информации о кочевом обществе, оставившем в «книге урочищ» пустынь и степей казахского Турана свои «ландшафтные письма».

Книга поможет всем интересующимся овладеть конкретными методами исследования кочевой системы «природа – общество» и приобрести первоначальные навыки использования экосоциального подхода в изучении объективной реальности недавнего прошлого казахских кочевников.

ИНСТИТУТ АЗИАТСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
THE INSTITUTE OF ASIAN STUDIES

Республика Казахстан, Алматы, ул. Валиханова, 137а. кв. 36.

Тел. (727) 291-08-55.

E-mail: officeasiakz.com, www.institute.asiakz.com